

Год обезьяны

64

**Александр Сергеевич Пушкин
второй раз
становится жертвой
театрального семейного подряда**

Елена ЯМПОЛЬСКАЯ

Сначала за солнце русской поэзии без перчаток ухитились Безруковы — отец и сын. Так возник «Александр Пушкин» в Театре Ермоловой. Теперь их примеру последовали Левитины — отец и дочь. Результат — спектакль «Изверг» на сцене «Эрмитажа». Причем в обоих случаях отцы выступают еще и в качестве драматургов. Тенденция, однако...

Михаил Левитин человек начитанный. По невежеству он факты не перепутает и ради красного словца их не перверт. В этом несомненное преимущество «Изверга». Еще одним преимуществом можно считать оригинальный выбор предмета повествования — в спектакле о Пушкине практически нет самого Пушкина. «Изверг» — любимое словечко Идалии Полетики, и, соответственно, главная героиня здесь — Идалия. Каковую особу как раз играет дочь Левитина Ольга, имеющая отдаленное, но вполне уловимое сходство со своей мамой и тезкой Ольгой Остроумовой.

Идалия Григорьевна Полетика, незаконная дочь графа Строганова, известного дипломата и еще более известного ловеласа, якобы послужившего Байроу прототипом Дон Жуана. Идалия родилась от связи Строганова, в то время посла России в Испании, с португалькой, замужней графиней д'Эга (не раз подозреваемой в шпионаже). После смерти законных супругов любовники оформили свои отношения, но Идалию граф так и не удостоил. Ее продолжали считать «воспитанницей»...

Идалия с детства любила военных здоровенных, ее первым мужчиной был наполеоновский генерал. В 1826 году она выходит замуж за ротмистра Полетику и создает вокруг себя «веселую банду» молодых кавалергардов во главе с Дантесом, в которого она, безусловно, была влюблена, с которым спала и чью участь после гибели Пушкина пыталась смягчить всеми доступными ей средствами. Идалия переписывалась с Дантесом, встречалась с ним, когда выезжала за границу. Дантесу она признавалась: «...если я кого люблю, то люблю крепко и навсегда», и от него получила на память дорогой прощальный подарок — перстень, кажется, навсегда оставшийся на ее руке.

Троюродная сестра Натальи Гончаровой, Идалия Полетика прославилась тем, что пригласила родственницу в свой дом, а сама уехала, оставив мадам Пушкину наедине с Дантесом. Поступок для влюбленной женщины по меньшей мере странный, свидетельствующий о том, что ненависть к первому поэту России затмевала в сердце Идалии все прочие чувства. Откуда возникла эта ненависть, историки до сих пор спорят. Одни говорят, будто Идалия хотела Пушкина, а он ей отказал. Но чтобы два сексуально озабоченных че-

ловека, мужчина и женщина, друг друга в этом смысле стоявшие, не смогли договориться... Маловероятно. Сохранился портрет Идалии 1820-х годов работы П. Соколова: хорошенькая, очень изящная золотоволосая девочка. Сказать, что г-жа Полетика была дура дурой, тоже никак нельзя. Наоборот, если красотой она несколько уступала жене Пушкина и держала в Петербурге почетное второе место, то умом значительно ее превосходила. Отношения Пушкина с Идалией вначале были превосходными, в письме к Вяземскому он кокетничает: «Полетике скажи, что за ее поцелуем явлюсь лично, а что-де на почте не принимают...». И если поэт действительно грубо пошутил над подругой, сочинив ей хвалебные стихи в альбом и датировав их 1 апреля, то все-таки хотелось бы понять, что послужило первопричиной ссоры.

У Левитина про альбом ничего нет. А первопричина опять-таки сомнительная: якобы Пушкин домогался Идалии не как благородной дамы, а как казарменной шлюхи. Залез ей под юбку, пардон за прямоту. Из душкиноведческой литературы складывается, впрочем, ощущение, что горячий парень ни с кем особо не церемонился, однако женщины падали под него с восторгом, целыми семьями: дочки, внучки, мамы, бабушки... С другой стороны, Идалия симпатизирует Натали и хочет, чтобы красивая женщина спала с красивым мужчиной, а не с какой-то «обезьяной» (еще одно из-

любленное словечко). С третьей стороны, не надо забывать, Идалия сама влюблена в Дантеса, то есть ради мести жертвует самым дорогим. Вот, мол, ты пытался сделать шлюхой меня, а теперь ее сделают из твоей собственной жены. Получишь ты чистойшей прелести чистойшей образец. Век будешь помнить. Пушкина на вечное злопамятство не хватило: он поехал на Черную речку и получил пулю в живот. Вряд ли Идалия гналась именно за такой развязкой, вряд ли она хотела riskовать жизнью и карьерой Дантеса, но гадостей, факт, успела наделать порядком. Про подстроенное свидание мы уже упоминали. Дипломы Ордена рокозосцев рассылала по Петербургу ее, Идалии, «веселая банда». Куда входил, кстати, и родной брат Полетики, Александр Строганов, называвший солнце русской поэзии не иначе как шельмой...

Черт, такая это все интересная материя, что никак не удается поговорить про спектакль. И может даже сложиться впечатление, будто «Изверг» — интереснейшее зрелище. Увы, я бы не сказала. «Изверг», по моему скромному мнению, — катастрофа. Прежде всего благодаря чудовищному образу главной героини.

Идалия — Ольга Левитина — резкая, вульгарная, беспоякойная женщина, с манерами истеричного солдафона, жестиком Ханумы, непонятным бляющим акцентом и таким высоким голосом, что выносить его на протяжении двух с половиной часов попросту невозможно. Зрители рядом со мной протестовали вслух и затыкали уши. Идалия в спектакле Левитина не просто глупа и цинична, она скверно сыграна, а это куда страшнее. Родительская любовь слепа, жаль

лишь, что последствия этой слепоты все время приходится расхлебывать Пушкину. Эх, ему бы в свое время папу а-ля Виталий Безруков или Михаил Левитин. Жил бы, как у Христа за пазухой, долго и счастливо...

«Изверг» — это сыворотка жанров: чистый фарс и чистая реалистическая драма смешиваться никак не хотят. «Изверг» — это, мягко выражаясь, странный текст. Например, Дантес говорит Идалии: «Мы с тобой такие красивые — кони на улице оборачиваются...». «Изверг» — это ужасные костюмы и вопиющая обувь. Это пожилые сестры Гончаровы, из которых Натали самая умудренная. Это простак в усах под видом Дантеса, который сначала матерится, а потом весьма нелогично укоряет Пушкина за «армейские выражения», употребленные в письме к Геккерну-старшему. Это укушенная за задницу крестьянка на одесском Привозе — символ, который лично мне разгадать не удалось. Это Идалия, осеняющая себя четырьмя крестными знамениями подряд. И, наконец, Пушкин, прелестный мальчик интеллигентной иудейской наружности, который периодически прошмыгивает по сцене и про которого никто не подумал бы, что он способен хоть муху обидеть...

Да, плюс негр, выкатывающий похоронные дроги. И живая, цивилизованно одетая обезьянка с дрессировщиком. Публика оценила мартишкин труд, ничуть не оскорбившись за Пушкина. А чего оскорбляться? Милый зверь. Да и по восточному календарю актуально...

Левитин выбрал захватывающую историю. Женщина воевала с Пушкиным при жизни, воевала после его смерти и собственную смерть встретила на войне с

Пушкиным. Не будь его, и про нее бы никто никогда не вспомнил. Связь между ними настолько прочная, что уже не разберешься, великая ли это ненависть, или великая любовь, или любовь-ненависть, как у Сальери к Моцарту. (Для Полетики даже монолог написан, вполне достойный Сальери.)

У Идалии была своя правда. Невосприимчивая к поэзии, она весьма остро воспринимала мужскую красоту. И полагала, что красавец Дантес не менее ценен, чем Пушкин. С точки зрения женщины (не истории), это так и есть. Красивые мужчины — большая редкость. Правда, они встречаются чаще, чем пушкины, но тоже имеют право на свою долю восхищения.

Идалия у Левитина вообще логична. Если некто, будь он хоть солнце, хоть звезда, лезет тебе под юбку без твоего на то разрешения, дайте ему по физиономии — святое дело. Вот только с масштабами наказания Полетика несколько переборщила. А значит, и причина имелаась другая, более серьезная...

Пушкин, конечно, был не таким приятным человеком, как нам бы того хотелось. По всей вероятности, он бывал просто невыносим. И к нему в полной мере относилась мудрость Талмуда про великую гору и великого человека: первая, приближаясь, становится все больше, а второй — все мельче...

Однако размышления вокруг сюжета не могут засчитываться в заслугу театру. На спектакле сначала морщишься, а потом начинаешь откровенно хихикать. Пушкин заслужил что угодно, но только не это. Почему, повторюсь, интереснейшие вещи воплощаются такими отталкивающими художественными средствами, для меня осталось загадкой.

Рече. перевер. - 2004 - 14. янв. - с. 70